

Смысл рассказа «Льгов».

Антикрепостническая направленность

«Записок охотника»:

- "Хорь и Калиныч" (крестьяне и Полутыкин)
- "Ермолай и мельничиха" (Арина и Зверков)
- "Малиновая вода" (Стёпушка и шумихинский барин, Влас и молодой граф)
- "Бурмистр" (крестьяне и Пеночкин)
- "Контора" (Павел и госпожа Лоснякова с её главным конторщиком)
- "Два помещика" (буфетчик Вася и Стегунов)
- "Пётр Петрович Каратаев" (Матрёна и её барыня)
- **"Льгов" (Сучок и его господа)**

• **Льгов** — большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому — Майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: фу-у! Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его из сплошного майера наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников.

•

— А бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не серчает... А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: «Ты чем был?» Говорю: «Кучером». — «Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. «Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке...»

Каждый из нас держал свое ружье над головой, и Сучок, должно быть, по привычке **подражать господам**, поднял шест свой кверху.

- - Тыфу ты, пропасть! — пробормотал он, плюнув в воду, — какая оказия! А всё ты, старый чёрт! — прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку. — Что это у тебя за лодка?
- — Виноват, — пролепетал старик.
- — Пойду сыщу брод, — продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, — взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выщупывая дно.
- — Да ты умеешь ли плавать? — спросил я его.
- — Нет, не умею, — раздался его голос из-за тростника.
- — Ну, так утонет, — равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: "Левей, - тут направо колдобина!" или: "Правей, - тут лево завязнешь..." Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри. "Ну, ну, ну!" - грозно кричал на него Ермолай, - и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука.